

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Март 1818 года
Лондон, Англия*

Глава 1

...Тут мне не очень весело, но я и не сказал бы, что плохо. Тут есть женщины, а в их обществе разве соскучишься?

Майкл Стерлинг — кузену Джону, графу Килмартину. Из расположения 52-го гвардейского пехотного полка времен войны с Наполеоном.

У каждого в жизни бывает особенный, поворотный момент. Момент яркий, значительный. Человек переживает его столь же остро, как сильный удар в грудь, от которого спирает дыхание, — и с тех пор становится абсолютно ясно, без тени сомнения, что прежней жизнь уже не будет никогда.

Такой момент наступил и для Майкла Стерлинга — в тот самый миг, когда он впервые увидел Франческу Бриджертона.

Стерлинг всю жизнь бегал за женщинами и с удовольствием уступал женщинам, которые бегали за ним, и в любовных играх он всегда оставался победителем: ласкал этих женщин, целовал, занимался с ними любовью, но ни одну из них не полюбил. А с Франческой Бриджертоном хватило одного взгляда, чтобы моментально влюбиться, да так, что колени подкосились.

И все бы ничего, только встреча их состоялась за тридцать шесть часов до того мгновения, как Фран-

ческа перестанет быть Бриджертон. То был праздничный вечер по случаю предстоящей свадьбы Франчески и кузена Майкла.

«Жизнь порою любит пошутить», — думал он, когда настроение позволяло выбирать выражения. А когда нет — выбирал более бранные слова. Да и какие еще слова могли прийти в его голову с тех пор, как он понял, что влюбился в жену своего двоюродного брата?

Да, он скрывал свои чувства, ведь нельзя было допустить, чтобы чей-то зоркий глаз заметил его угнетенное состояние. Иначе, чего доброго, еще начнут допрашивать, все ли у него в порядке. И пусть Майкл был профессиональным притворщиком и обманщиком (а как иначе, ведь он соблазнил бесконечное множество женщин, избежав при этом вызова на дуэль), таких злоключений в его жизни еще не возникало. Так что неудивительно, что в столь тяжелый момент даже от невинного вопроса он может потерять лицо.

Потому Майкл старался веселиться, много смеялся и флиртовал с женщинами. И старался не замечать, что чувственные ласки доставляют ему все меньше наслаждения и на партнершу свою он все чаще старается не смотреть. В церковь он больше не ходил совсем, поскольку утратил надежду на спасение души. Да и вообще церковь рядом с Килмартином построили еще в 1432 году, и если на него обрушится гром небесный, ей ни за что не устоять. Ведь если Господь и решит таким образом покарать какого-нибудь грешника, кандидатуры лучше Майкла Стерлинга ему не сыскать.

Майкл Стерлинг, Великий Грешник.

На визитной карточке эти слова смотрелись бы хорошо. Он бы даже заказал себе такую — выходка как раз в его духе, — если бы не его мать, которую убьет эта шутка.

Даже прославленный повеса и великий грешник не станет мучить женщину, произведшую его на свет.

Однако в своих связях с другими женщинами он ничего греховного не видел — ни тогда, ни сейчас. Все эти женщины сами хотели быть обольщенными, да и невозможно соблазнить ту, которая этого не хочет. Если, конечно, не путать соблазнение с изнасилованием. Если же между ним и женщиной чувствовалась какая-то неловкость и он понимал, что она его не хочет, Майкл сразу уходил. Страсть никогда не поглощала его целиком, и уйти не составляло труда.

К тому же в его списке побед нет ни одной девственницы и ни одной замужней дамы. Ой, ладно, себе врать негоже — замужние, конечно, были, и очень много, но только те, чьи мужья совсем мерзавцы, и только в том случае, если они уже родили мужу двух сыновей или даже трех, если один был слаб здоровьем.

У Майкла, как и у всякого мужчины, были свои правила.

Но сейчас... Происходящее с ним сейчас не вписывалось ни в какие правила приличий. Было совершенно неприемлемо. Пойти на поводу своих чувств в подобной ситуации... Таких проступков не совершал никогда даже Майкл. Так он совсем очернит свою душу — ну или по крайней мере заметно подпачкает. Ведь это... это...

Жена его двоюродного брата.

Он хотел жену Джона.

Джона!

Джона, который был для него больше, чем родной брат, если бы у него таковой имелся. Джона, семья которого приняла Майкла, когда умер его родной отец. Джона, отец которого воспитал его как своего сына. Джона, с которым...

Да не важно! Причины можно перечислять бесконечно, но и одной из них хватило бы, чтобы отправиться в ад за влюбленность в жену Джона. К тому же не стоило забывать самого главного — ее он никогда не получит.

Только не Франческу Бриджертон Стерлинг.

«А почему бы не выпить еще стаканчик?» — подумал он, развалившись на софе в гостиной молодоженов, отворачиваясь друг другу глазки в противоположном конце гостиной.

— Да, пожалуй, выпью еще. — И Майкл залпом допил содержимое своего бокала.

— О чем ты, Майкл? — отреагировал Джон.

Черт побери его слух!

Майкл состроил очаровательнейшую улыбку и приветственно приподнял свой бокал.

— Жажда мучит. — Видимо, и тоном он весь излучал жизнелюбие.

То была гостиная Килмартин-Хауса, лондонского особняка, который не стоит путать с Килмартином — не Хаусом и не Каслом, а просто Килмартином, что в Шотландии, где выросли Майкл и Джон. Был также Килмартин-Хаус в Эдинбурге. Да, думал Майкл, предки не отличались изобретательностью, ведь были еще Килмартин-Коттедж (если слово «коттедж» подходит дому с двадцатью двумя комнатами), Килмартин-Эбби и, конечно же, Килмартин-Холл. И почему, интересно, никто не догадался назвать хотя бы один из них своей фамилией — «Стерлинг-Хаус»? Майклу казалось, что звучит вполне неплохо. Увы, судя по всему, тщеславных и неоригинальных Стерлингов из прошлого так впечатлил новообретенный титул, что о том, чтобы дать другое имя своей собственности, и речи не шло.

Да уж, усмехнулся Майкл, стоит только диву даваться, что он не пьет «Килмартин-ти», сидя в «Килмартин-чер». Хотя умудрись его бабушка найти способ торговать своими чаем и мебелью, подобное вполне могло бы быть. К счастью, торговля — слишком унижительное занятие для титулованных особ. Суровая дама так гордилась семейством, словно с рождения была его частью, а не стала ею после замужества. Она считала, что графиня Килмартин (она сама то есть) не уступает

в важности своей персоны любой особе с более высоким титулом, и часто недовольно фыркала, когда ее приглашали к трапезе после какой-нибудь молоденькой маркизы или герцогини.

Пожалуй, одна лишь королева была достойна такой чести — быть выше графини Килмартин. Однако Майкл никак не мог себе представить бабушку, выказывающую уважение какой-либо особе женского пола.

Однако Франческа Бриджертон старушка Стерлинг нашла бы подходящей своему внуку женой. Она бы, безусловно, не оставила без внимания тот факт, что отец Бриджертон всего лишь какой-то виконт — не без этого, — но семья их была старинной, весьма популярной и достаточно влиятельной. К тому же Франческа прямо держала спину, держалась гордо, а шутила коварно. Будь она старше лет на пятьдесят и не так красива, стала бы старушке Стерлинг лучшей подругой.

Теперь титул графини Килмартин принадлежал Франческе, жене Джона, двоюродного брата Майкла. И пусть Джон был на год младше Майкла, к мужу Франческа всегда относилась как к старшему — ведь он же унаследовал титул. Отцы кузенов были близнецами, но отцу Джона повезло появиться на свет на целых семь минут раньше. Семь минут, которые определили не только жизнь одного из близнецов, но и жизнь самого Майкла, о рождении которого тогда и речи не шло!

— Итак, как мы отметим нашу вторую годовщину? — спросила Франческа, усаживаясь за фортепьяно неподалеку от Майкла.

— Как ты пожелаешь, — ответил Джон.

Франческа посмотрела на Майкла. Даже при свете свечей он видел, как красивы ее синие глаза. Хотя, может, он просто помнил, какие они. После встречи с ней ему даже сны снились в синих тонах. Этот цвет он мысленно называл «синий Франчески».

— Майкл? — Судя по тону, она не в первый раз его звала.

— Мои извинения. — Он скривил губы в улыбке — когда он улыбался подобным образом, никто не воспринимал его всерьез, что ему и требовалось. — Не слышал.

— У тебя есть какие-нибудь идеи? — спросила Франческа.

— По поводу?

— Я о праздновании второй годовщины.

Лучше бы она выстрелила из лука ему в самое сердце: было бы не так больно, — но Майкл нашел в себе силы небрежно пожать плечами — притворяться безразличным он умел до омерзения хорошо.

— Это не моя годовщина, — напомнил он.

— Знаю, — сказала она.

Майкл на нее не смотрел, но по интонации было похоже, что Франческа закатила глаза.

Однако она этого не делала, Майкл не сомневался, поскольку за эти два года идеально изучил повадки Франчески и знал, что закатывать глаза — это не в ее стиле. Иронию, сарказм или коварство она выражала только голосом и своеобразным изгибом губ. В том, чтобы закатывать глаза, нужды не было. Она смотрела на собеседника прямо, чуть скривив рот, а потом...

Майкл нервно сглотнул и вновь приложился к бокалу. Недостойно это — раздумывать об изгибе губ жены двоюродного брата.

— Не сомневайся, — говорила Франческа, поглаживая клавиши фортепьяно, но не нажимая на них, — я не забыла, кто мой муж.

— Я и не сомневаюсь, — пробормотал Майкл.

— Что ты сказал?

— Ничего, продолжай, — ответил он.

Франческа недовольно поджала губы. Такую гримасу на ее лице Майкл видел часто, особенно когда она разговаривала с кем-то из своих братьев.

— Я решила спросить твоего совета, потому что ты часто веселишься, — пояснила она.

— Я часто веселюсь? — Майкл удивился, хотя и понимал, что именно таким его видит свет: его даже прозвали Веселым Повесой. Но слышать это от нее оказалось неприятно. Выходит, и она не видела в нем серьезного человека.

А что, если он и впрямь легковесен и ветрен? От этой мысли Майклу стало еще хуже.

— Разве это не так? — спросила она.

— Не в том дело, — ответил Майкл. — Удивлен просто: у меня спрашивают, как справлять годовщину свадьбы. Очевидно же: я обделен талантами во всем, что так или иначе касается брака.

— Ничего не очевидно, — заявила она.

— Ну все, ты пропал, — засмеялся Джон, откинувшись в кресле и развернув утренний выпуск «Таймс».

— Ты никогда не был женат, — продолжила Франческа, — так откуда тебе знать, есть у тебя талант к браку или нет?

Майкл самодовольно ухмыльнулся:

— Для всех, кто меня знает, это очевидно. Да и зачем мне жениться? У меня ни титула, ни собственности.

— Собственность у тебя есть, — заметил Джон. Пусть он и спрятался за газетой, все же следил за ходом беседы.

— Совсем незначительная, — не уступал Майкл, — и выделенная мне тобой. Так что я совсем не против буду оставить ее вашим детям.

Франческа взглянула на мужа. Майклу не нужно было гадать, о чем она думала: Джон подарил брату собственность, чтобы у того появилась цель в жизни. Уволившись несколько лет назад из армии, Майкл остался без цели. И пусть Джон никогда не заводил этот разговор, Майкл точно знал, что кузен чувствует свою вину из-за того, что отсиживался дома, пока Майкл рисковал жизнью на континенте.

Однако Джон был наследником титула. Жениться и произвести на свет сыновей — его священный долг.

Никому и в голову не пришла бы мысль, что он отправится на войну.

Иногда Майклу казалось, что выделенная ему собственность (весьма красивый дом и двадцать акров земли) была для Джона своего рода епитимьей. И закрадывалось подозрение, что Франческа того же мнения.

Но она никогда не станет разговаривать с мужем об этом. Вероятно потому, что выросла с братьями, она отлично понимала мужчин и знала, о чем стоит спрашивать, а о чем лучше умолчать.

Ее пронизательность беспокоила Майкла. Вдруг она знает, что он скрывает за маской безразличия? При этом она никогда не заговорит об этом, не намекнет даже. По иронии судьбы в этом они похожи: если Франческа поймет, что стала объектом его страсти, виду не подаст.

— Полагаю, вы могли бы отправиться в Килмартин, — предложил вдруг Майкл.

— В Шотландию? — спросила Франческа, слегка нажав на клавишу си-бемоль. — И это сейчас, перед самым началом сезона?

Майкл встал, подавшись импульсивному желанию уйти. Да ему и приходиться-то не стоило.

— И что с того? — небрежно спросил он. — Это место тебе нравится. И Джону тоже нравится. А если рессоры карет в отличном состоянии, то и путешествие вас не утомит.

— Ты-то поедешь? — поинтересовался Джон.

— Нет, — резковато ответил Майкл. Присутствовать на их годовщине — этого еще не хватало! Лишний раз напомнить себе о том, что он никогда не получит. И положить еще одну монетку в копилку чувства вины. Хватит и тех, что уже есть и отравляют каждый его день.

«Не желай жены двоюродного брата своего». Мои-сей, должно быть, забыл добавить к остальным эту заповедь.

— У меня много дел, — в оправдание бросил он.

— Серьезно? — В глазах Франчески загорелся интерес. — И что за дела?

— Ах, ну как сказать... — Он криво ухмыльнулся. —хлопоты всякие, дабы продолжать вести бесцельную и разгульную жизнь.

Франческа встала.

Господи! Она пошла прямо к нему. Ее прикосновения — сущий кошмар для Майкла.

Она положила руку ему на плечо, и Майкл задействовал все силы, чтобы не вздрогнуть.

— Мне неприятно, когда ты так говоришь, — сказала она.

Через ее плечо Майкл посмотрел на Джона — тот держал газету довольно высоко, чтобы дать понять окружающим, что он погружен в чтение.

— Опять решила устраивать мою судьбу? — недобро спросил Майкл.

Франческа отстранилась.

— Мы любим тебя.

«Мы». Не «я», не «Джон». «Мы». Очередное напоминание о том, что они — единое целое. Джон и Франческа. Лорд и леди Килмартин. Не тот смысл Франческа хотела до него донести, но именно это услышал Майкл.

— Я тоже вас люблю, — сказал Майкл, смиренно ожидая потока нравоучений.

— Я знаю, — ответила Франческа, не замечая, как он мучится. — Ты лучше всех двоюродных братьев. И я хочу, чтобы ты был счастлив.

Майкл бросил на кузена взгляд, умоляющий о спасении. Тот перестал притворяться, что читает, и положил газету.

— Франческа, моя догорая, Майкл — взрослый мужчина. Он построит себе счастливую жизнь, с кем и когда сочтет нужным.

Франческа поджала губы — явный знак, что она рассержена. Она не любила, когда ей перечат. Ее раздражала сама мысль, что она не может организовать свой

мирок и всех, кто его населяет, так, чтобы ей это нравилось.

— Думаю, тебя нужно познакомить с моей сестрой, — не унималась она.

Господи боже!

— Я с ней уже знаком, — быстро отозвался Майкл. — Я знаком со всеми твоими сестрами, в том числе с той, что еще в пеленках.

— Ни в каких она не... — Смолкнув на полуслове, Франческа стиснула зубы. — Согласна, Гиацинта тебе не подойдет, но вот Элоиза...

— Я не женюсь на Элоизе, — прервал ее он.

— Я и не заставляю тебя жениться, — сказала Франческа. — Хотя бы пригласи ее на танец.

— Я с ней уже танцевал, — напомнил ей Майкл. — Мне хватит.

— Но...

— Франческа, — произнес Джон. Тон был мягок, но смысл ясен: «Прекрати».

За столь своевременное вмешательство Майкл был бы рад расцеловать брата. Джон, конечно, считал, что просто избавляет кузена от навязчивого и бессмысленного приставания Франчески: он ведь и предположить не мог, что Майкл думает на самом деле. А именно: он гадал, насколько чернее станет его душа, если он будет желать не просто жену своего брата, но и сестру своей жены.

Женитьба на Элоизе Бриджертон, господи! Франческа, должно быть, хочет затолкать его в могилу.

— Пойдемте-ка на прогулку, — внезапно предложила она.

Майкл бросил взгляд в окно. Закатные лучи солнца уже покинули улицы.

— Не поздно ли для прогулки? — спросил он.

— Отнюдь нет, если гулять в компании двух сильных мужчин, — сказала Франческа. — К тому же в Мейфэре отличное освещение. Ничего страшного не случится. — Она посмотрела на мужа. — Согласен, дорогой?

— Сегодня у меня важная встреча. — Джон бросил взгляд на карманные часы. — Пусть Майкл составит тебе компанию.

Еще одно подтверждение факта, что Джон даже не подозревает о чувствах брата.

— Вы отлично ладите, — добавил он.

Франческа, обернувшись к Майклу с улыбкой, которая еще прочнее укоренила чувства в его сердце, спросила:

— Ну что, пойдём? Дождь прекратился, и я умираю от жажды по свежему воздуху. Я весь день сама не своя.

— Конечно, — ответил Майкл. Ведь все знают, что у него не бывает важных встреч. Его жизнь была предельно легка.

К тому же он не мог отказать Франческе. И пусть он знал, что не стоит оставаться с ней наедине и вообще лучше сохранять дистанцию. Конечно, он никогда не покорится своим желанием, но зачем же лишний раз страдать? Ведь после этой прогулки его ждет холодная постель, где не будет ничего, кроме чувства вины и желания, разрывавших его на части.

Увы, ее улыбка обезоруживала его, и он не мог сказать «нет». Ведь это возможность побыть с ней еще часок, и Майкл был слишком слаб, чтобы отказать себе в этом.

Ее присутствие — это все, что было ему доступно. Он никогда не получит от нее ни игривого взгляда, ни поцелуя, ни слов любви, ни стонов страсти.

Только разговор с ней и ее улыбка — вот и все, на что он мог рассчитывать. И он, никчемный дурак, был рад и этому.

— Только подожди чуть-чуть, — она приостановилась в дверях, — я плащ возьму.

— Поторопись, — сказал Джон. — Уже восьмой час.

— Майкл, случись что, не даст меня в обиду, — беспечно отмахнулась Франческа, — но ты не переживай, я быстренько. — Она шаловливо улыбнулась мужу. — Я всегда быстренько.

От ее слов Джон покраснел, и Майкл отвел взгляд. Он не желал знать, что именно означала ее фраза, Господь тому свидетель. Ведь она могла иметь в виду много чего, в том числе и нечто сладострастное. Весьма вероятно, что весь следующий час Майкл будет занят фантазиями о том, чем хотел бы заняться с ней...

Майкл ослабил тугой галстук. Может, стоит увильнуть от этой прогулки? Ринуться домой и принять ледяную ванну. Или даже лучше — отыскать доступную женщину с длинными каштановыми волосами и, если получится, синими глазами.

— Ты уж извини, пожалуйста, — как только Франческа вышла, сказал Джон.

Майкл посмотрел на брата во все глаза. Неужели тот извиняется за игривый намек Франчески?

— Все время она к тебе пристаёт, — продолжил он. — Однако ты еще молод. Зачем спешить к алтарю?

— Ты моложе, чем я. — Майкл сказал, главным образом, чтобы поперечить.

— И то верно, но в моей жизни появилась Франческа. — Джон пожал плечами, словно такой ответ представлял собой исчерпывающее объяснение. Впрочем, так оно и было.

— Да я не возражаю, пусть пристаёт, — проговорил Майкл.

— Не возражаешь, ага. Как будто я по твоим глазам не вижу.

Вот в чем заключалась главная проблема — Джон видел по его глазам. Он знал Майкла лучше всех на свете и всегда замечал его тревоги. И лишь чудом можно объяснить тот факт, что Джон пока не догадался, в чем причина горестей Майкла.

— Я попрошу ее оставить тебя в покое, — добавил Джон. — Однако, надеюсь, ты понимаешь, что она это делает исключительно из любви к тебе.

Майкл выдавил улыбку, но в ответ ему не удалось проронить ни слова.

— Спасибо, что согласился составить ей компанию на прогулке. — Джон встал. — Она весь день места себе не находила из-за дождя. Говорила, что сегодня сидение в четырех стенах ее угнетало.

— Во сколько твоя встреча? — поинтересовался Майкл.

— В девять, — ответил Джон. Братья вышли в прихожую. — Встреча с лордом Ливерпулем.

— Дела парламента?

Джон кивнул. Он был вхож в парламент и относился к этому очень серьезно. Нередко Майкл задавался вопросом, стал бы сам придавать столь важное значение палате лордов, унаследуй он титул.

Не исключено, что нет. Хотя какая разница?

Майкл снова посмотрел на брата. Тот потирал левый висок.

— Как твое самочувствие? — спросил Майкл. — Выглядишь ты... — Он не смог подобрать слово, которое подошло бы, чтобы описать состояние брата. С Джоном что-то было не так. Это Майкл сразу заметил.

Ведь он знал брата. Знал лучше даже, чем Франческа.

— Голова раскалывается, — пробормотал Джон. — Целый день меня мучит.

— Может, тебе принять опийной настойки?

— Не переносу эту гадость, — покачал головой Джон. — От нее все мысли как в тумане, а мне нужна свежая голова на встрече с Ливерпулем.

— Бледный ты что-то, — с кивком сказал Майкл, хотя смысла в этих словах никакого не было: Джон ни за что не согласился бы принять настойку.

— Да неужели? — Поморщившись, Джон снова прижал к виску пальцы. — Пожалуй, я прилягу. Все равно отправляюсь только через час.

— Верное решение, — согласился Майкл. — Если хочешь, я велю прислуге разбудить тебя, когда нужно.

— Сам попрошу камердинера, — отмахнулся Джон.